

**Международная конференция:
«Лингвистический форум 2025:
Перевод Библии как способ сохранения
и развития языка. Традиции и новые подходы»**

Кетеван Тамазовна Гадилия

*Институт перевода Библии,
Российский государственный гуманитарный институт
Москва, Россия
k_gadilia@ibt.org.ru; kgadiliya@gmail.com*

**International Conference “Linguistic Forum 2025.
Bible translation as a way to preserve and develop
languages: Traditions and new approaches”**

Ketevan Tamazovna Gadilia

*Institute for Bible Translation,
Russian State University for the Humanities
k_gadilia@ibt.org.ru; kgadiliya@gmail.com*

DOI: 10.37892/2313-5816-2026-1-310-323

16–18 октября 2025 г. в Москве состоялась международная конференция «Лингвистический форум: Перевод Библии как способ сохранения и развития языка. Традиции и новые подходы», которую совместно провели Институт языкознания РАН и Институт перевода Библии (Москва). Конференция была приурочена к 75-летию юбилею Института языкознания РАН и 30-летию деятельности Института перевода Библии в РФ.

В работе конференции приняли участие более 60 ученых — лингвистов и библейских переводчиков из разных

стран. Доклады, посвященные широкому кругу языков, были представлены как в онлайн-формате, так и очно.

Конференция открылась в Институте языкознания пленарным докладом **В. А. Плунгяна** «Переводы Библии как инструмент грамматической типологии». В докладе было показано, что переводы Библии (особенно переводы Нового Завета) представляют собой уникальный многоязычный параллельный корпус. Несмотря на то что с развитием корпусных методов роль этих текстов в типологических исследованиях грамматики и лексики резко возросла, грамматическая типология до сих пор использует их потенциал не полностью.

Второй день конференции проходил в Институте перевода Библии. С пленарным докладом из США подключился **Роберт Карлсон** (Robert Carlson). В докладе «Whose Bible is this?» он затронул острую проблему современных переводов, которая заключается в том, что нередко переводчики не владеют исходными библейскими языками (древнегреческий, древнееврейский) и работают через переводы с языков-посредников (английский, французский и др.). На примере переводов на языки йала, торо-со и гикуйю он показал, как такой подход может исказить смысл. Осознавая, что перевод перевода является неудовлетворительным, в современной теории разработаны ряд практик для смягчения данной проблемы, хотя пока еще не полностью преодолены недостатки, вызванные неудовлетворительным уровнем лингвистической компетенции переводчиков. Р. Карлсон проблему видит в недостаточной адекватности теории значения и предлагает решение проблемы в более активном применении теории лингвистического значения, воплощенную в когнитивной грамматике.

На пленарном заседании заключительного дня выступил **Дан Шапира**, который приехал из Израиля с докладом «Общее и различное в переводах Библии на еврейские языки». На примере переводов на идиш, еврейско-тюркские и еврейско-персидские языки докладчик показал, как создается особый «квантовый» язык перевода, где слова получа-

ют не светское, а условно-сакральное значение, а грамматика оригинала насильственно переносится в язык перевода.

Секционные доклады были сгруппированы по разным ключевым вопросам перевода Библии (шесть секций) и по языковым группам (три группы). Тезисы докладов опубликованы на сайтах ИнЯз и ИПБ. Лингвистический журнал «Родной язык» готовится издать по материалам конференции монографическое приложение с докладами, которые относятся к языкам России и стран постсоветского пространства.

Секция «Исчезающие языки и Библия»

Т. Б. Агранат («Дорого яичко к Христову дню: Судьба Евангелия на сето») рассказала о драматичной судьбе Евангелия на языке сето. Первый перевод (1926) оказался невоспребованным из-за низкого уровня грамотности; второй (2013) — из-за устоявшейся традиции читать православные тексты по-русски. Перевод «опоздал» дважды.

В. И. Калинин поведал о роли Библии в сохранении балтийского цыганского диалекта. Перевод 2014 г. поднял престиж языка, появление молитв и свидетельств на цыганском усилило идентичность. Важным результатом проекта стало также создание онлайн-группы «Романы Сыкляды».

М. К. Раскладкина с своем докладе «Влияние религиозных конфессий на состояние коренных языков Аляски» познакомила слушателей с влиянием религиозных конфессий на коренные языки Аляски. В русский период (до 1867 г.) православные миссионеры создали письменность для алеутского, юпик, тлинкитского. После продажи Аляски и ассимиляторской политики США эти традиции были утрачены, хотя отдельные рукописи XX в. сохранились.

Секция «Теория и практика перевода Библии»

С. Н. Давидоглу («Трудности перевода драгоценных камней из Исх 28 (на примере языков народов России)») затронул сложности, связанные с переводом названий драгоценных камней из Исхода 28 на аварский, алтайский, бурятский и др. языки. Самым частым решением является

транслитерация названий с русского, реже — попытки создания неологизма по цвету или по сходству.

В докладе «Музыкальная терминология в прошлых, настоящих и будущих переводах Библии: Ретроспектива. Современность. Перспективы» **Е. И. Коляда** рассмотрела музыкальную терминологию в переводах Библии (струнные *киннор*, духовые *халил*). Она подчеркнула, что переводчики столетиями инструменты идентифицировали неверно. Современные археологические данные позволяют уточнить перевод, но проблема все же частично остается, так как для многих культур отсутствуют аналоги библейских музыкальных инструментов.

Г. А. Казаков представил доклад «Тенденции интерпретации трудных мест Евангелия в русских переводах Библии» на примере сравнительного анализа Мф 11:12 и Лк 16:16 в шести переводах. Он отмечает, что богословская интерпретация т.н. трудных мест и выбор языковых средств является главным фактором восприятия перевода обществом. Синодальный перевод и перевод Кассиана идентичны; центральноазиатский перевод и перевод МБО демонстрируют схожий подход; Библия в переводе Заокской академии занимает промежуточное положение, а современный перевод РБО предлагает новую трактовку.

Г. Т. Хухуни и И. И. Валуйцева в докладе «Существуют ли “красные линии” в переводе Библии?» рассуждают о границах переводческого интерпретирования сакрального текста. Критикуется излишняя прагматическая адаптация современных русских переводов (политкорректность, гендерное равенство, анахронизмы). Предлагается строже различать перевод и адаптацию.

Ф. Бранденбург (Philipp Brandenburg) свой доклад «Compulsory Exegesis in Translation: Psalm 110:7 in Thai» представил из Берлина. Он коснулся проблемы неизбежности интерпретации при переводе. Переводоведы часто концентрируются на проблеме «lost in translation», забывая о том, что иногда в переводе можно или необходимо получить именно то, что не было конкретизировано в исходном тексте, необходимо конкретизировать в переводе. В Пс 110:7

(анафорическая неоднозначность: кто «поднимет голову» — Бог или царь?) в большинстве языков двусмысленность сохраняется, но в тайском языке грамматика требует вставить подлежащее. Разные тайские переводы вставляют «царь» или «он», что предопределяет богословский вывод.

Секция «Библия как материал для лингвистических исследований»

П. Л. Коган и К. В. Кичигин сделали доклад о показателе -lla- в кечуа (южная Пастаса, Перу) по переводу Нового Завета («Операторы “прагматической альтернативы” в переводах Нового Завета на кечуа (на материале кечуа Южной Пастасы)». В этом переводе Библии обнаружены практически все выделяемые в литературе значения -lla-, кроме значения диминутива. В то же время, в переводах (как и в других текстах на идиоме Южной Пастасы) обнаруживается ряд примеров, которые позволяют говорить о новых значениях аффикса и помогают дополнить классификации.

Доклад «К пополнению списка экспериентивных контекстов в текстах Нового завета» **Ю. Н. Кузнецовой и А. Д. Подгорной** посвящен проблеме пополнения списка экспериентивных контекстов (значение «имело место хотя бы раз») по переводам Нового Завета на синитические языки (тайваньский, хакка, дунганский). Докладчики продемонстрировали, что китайский показатель *gui* покрывает значительно большую зону, чем специализированные средства в удмуртском или японском и предлагают пополнить список за счет контекстов, в которых более половины синитических языков демонстрируют целевое маркирование.

Т. А. Михайлова свой доклад посвятила («А кто скажет безумный...: к использованию евангельских переводов в реконструкции языковой картины мира») реконструкции языковой картины мира по переводам одного слова *μωρός* («безумный») в Евангелии. Анализ показал, что в разных языках акценты смещаются: от «глупого» до «юридического» (церк.-слав.) или «асоциального».

Д. Д. Мордашова и Ю. В. Сеницына представили доклад «Контексты с симулятивным значением в текстах Но-

вого Завета» о симулятивных конструкциях («сделал вид», «как будто») в Новом Завете на 7 языках (осетинский, татарский, удмуртский и др.). Показано, что показатель ирреального сравнения *цыма* в осетинском появляется именно в симулятивных контекстах, но не в стандартных эквативах.

Доклад «Религиозные тексты как источник информации об эволюции субъектной референции в древнепольском языке» **М. А. Наумовой** показывает, что в XV в. резко возрастает число «свободных» личных местоимений (с 7 % до 16 %) из-за утраты вспомогательного глагола в перфекте. Выясняется также, что книжные переводы консервативнее деловых текстов.

И. А. Хомченкова в своем докладе «Именное сочинение в горномарийском, удмуртском, мокшанском и мансийском языках (на материале переводов Евангелия от Марка)» рассмотрела сочинительные конструкции в переводах Нового Завета на финно-угорские языки (удмуртский, мансийский, горномарийский, мокша). Выявлено, что формальным критерием различения сочинения и подчинения служит порядок клауз (сочинение — фиксированный порядок следования событий).

Секция «Роль Библии в формировании литературных языков»

А. И. Лисицына («Диалектные и разговорные переводы Библии на современный валлийский язык: между традицией и модернизацией») представила анализ перевода книг Библии на валлийский язык с позиции их регистрального распределения и характерных черт соответствующих идиомов за последние 50 лет. Перевод У. Моргана еще в 1588 г. зафиксировал стандарт, но в конце XX в. появились «живые» переводы (Y Ffordd, beibl.net), ориентированные на возрождение языка, а не только на религиозную аудиторию.

Suzanna Vanyan «The Birth of the Classical Armenian Language in the Bible Translation» рассказала о переводе Библии на классический армянский язык (грабарь) как о «царице переводов». Перевод Библии Месропа Маштоца после изобретения алфавита (V в.) стал первым литературным па-

мятником и образцом точности. В 1666 г. вышла печатная «Воськанова Библия», закрепившая литературную норму (классического) армянского языка.

В докладе **И. И. Челышевой** («Библия вне Библии: типология библейских заимствований в романских языках Средневековья») рассмотрена типология библейских заимствований в средневековых романских текстах (XII–XIII вв.). Библия служила «строительным материалом»: от прямых цитат до псевдо-заимствований («так говорит Писание») и полукнижных форм (*siècle* < *saecula*).

Секция «Начало и продолжение традиции»

А. А. Кибрик в докладе «Upper Kuskokwim and Christianity» показал, как необходимость перевода христианских концептов повлияла на структуру и судьбу языка верхний кускоквим (атабаскская (или дене) группа, Аляска). Первые контакты русских с этим народом относятся к 1830-м гг. Они привели к их полному обращению в православие. Оказалось, что многие христианские понятия были выработаны при контакте с русским языком особым путем — новая лексика образовывалась из собственного лексического материала или путем переосмысления заимствований (*dinahwto* «Бог» букв. «наш отец»; *k'indole* «икона» от корня «подражать, имитировать»). Эти термины совпадают с соседним атабаскским языком, что говорит об их раннем происхождении.

Доклад **В. В. Шаповала** «Молитва Господня за четыре столетия изучения цыганского языка (1622–2025 гг.)» о первых переводах молитвы «Отче наш» на цыганский язык. Ранние тексты часто искажены (путаница с «нубийцами», фальсификации), но постепенно переводы становятся надежным лингвистическим материалом. Современные переводы опираются не на греческий оригинал, а на государственный язык страны проживания.

К. Т. Гадилia («Между Сциллой и Харибдой. О ветхозаветных собственных именах в грузинских переводах Библии. Принципы перевода или традиция?») на материале древнегрузинских и современных переводов Псалтири по-

казала, что расхождения в передаче библейских собственных имен (например, *Цоан* → в древнегруз. *ṭaneosi*, в совр. *coṭani*; *Тир* → *ṭviroši* vs *cori*) обусловлены не столько языковой эволюцией, сколько сменой базового текста: с греческой Септуагинты (через древнегрузинскую традицию) на древнееврейский масоретский текст в переводах 1989 г. и 2002 г. Автор предлагает добавить к трем классическим принципам передачи имен (транслитерация, традиционная форма, благозвучие) еще один принцип — принцип идентификации, т. е. сохранения узнаваемости.

Секция «Новые подходы к переводу Библии»

Доклад Е. С. Рябиной «Интеграция мультимедийных средств в театральные интерпретации библейских историй на удмуртском языке» был посвящен мультимедийным театральным постановкам библейских историй на удмуртском языке. Аудиоприложение (2024 г.) с 26 историями под музыку *крезь* используется для инсценировок. Театрализация снимает проблему заучивания текста и привлекает молодежь.

Bronwen Cleaver («A Discussion of Linguistic Issues in the Oral Translation of Psalm 132 from Hebrew to Altai in Southern Siberia») рассказала об особенностях устного перевода Псалма 132 на алтайский язык. В основу перевода в качестве языка-посредника были положены русские переводы, затем был создан песенный вариант. Вызвало трудности слово «елей» (в алтайской культуре масло – животного происхождения). Были опущены имена Ермон и Сион как нерелевантные.

Michael Friedrich свой доклад «AI and Bible Translation» посвятил оценке возможностей и границ использования искусственного интеллекта в процессе перевода Библии, особенно на миноритарные языки. Автор сразу заявляет ключевой тезис, что сам ИИ не способен перевести Библию из-за сложности задачи, необходимости специальных знаний (экзегетика, культурный контекст) и, главное, отсутствия больших объемов качественных языковых данных для подавляющего большинства языков мира. Однако ИИ

может быть эффективным ассистентом (co-pilot) на разных этапах переводческого проекта. В докладе рассмотрены четыре конкретных инструмента: Scripture Forge (SIL NLP), TBTA (All The Word Bible Translators), FLExTrans (SIL) и AQuA (SIL IDX AI). Доклад фиксирует важный сдвиг в переводческой парадигме — переход от вопроса «может ли ИИ заменить переводчика?» к прагматичному «как именно ИИ может помочь переводчику, не навредив качеству и не вытеснив носителя языка?».

Нельзя не отметить оригинальную по названию секцию «Заметки». **А. В. Андронов** («Заметки на полях библиографического указателя Борислава Араповича») представил анализ библиографии Б. Араповича – редчайшего указателя переводов Библии на языки народов России, СНГ и Балтии (существует в 20 экз.). Он призвал к коллективной работе по уточнению и оцифровке этих данных.

Джункова Катарина в докладе «Заметки православных миссионеров о переводах Библии на языки коренных народов Российской империи в XIX – начале XX вв.» представила материалы из истории миссионерской лингвистики — грамматик, словарей и букварей для 33 языков Российской империи.

В трех секциях были заслушаны доклады по группам языков (иранские, тюркские, восточнославянские).

Секция «Перевод Библии на иранские языки»

Д. К. Асратян рассмотрел первый осетинский перевод Четвероевангелия (1820–1823 г., И. Ялгузидзе) в докладе «В кабинете переводчика: исправления и маргиналии осетинского перевода Четвероевангелия из собрания Института Восточных рукописей РАН». По рукописям прослежена эволюция: от буквализма с грузинского к попыткам приблизиться к осетинской норме (исправления глагола *тæрсын* «бояться» на *аргъуыц кæнын* «благоговеть»). Зафиксирован анахронизм: *чырысдон* «христианин» для перевода «кроткий».

З. А. Битарти («Переводы библейских текстов и их применение в лингвистических исследованиях (на примере переводов на осетинский язык)») проследила историю перево-

да духовной литературы на осетинский с XVIII в. по 2022 г., когда вышел полный текст Библии к 1100-летию крещения Алании. В докладе было подчеркнуто, что первые переводы фиксируют живые фонетические процессы (переход *ч > ш*, *дж > жс*).

Л. Р. Додыхудоева представила доклад «К вопросу о переводе Евангелий на миноритарные языки Памира (шугнанский, рушанский, ваханский, язгулямский)» о переводах Евангелия, выполненных в 1990–2000х гг. Переводы стимулировали создание письменности, пополнили корпуса и вызвали интерес к родному языку у сообщества.

М. Н. Исаакова затронула трудности перевода библейских фразеологизмов на осетинский («Концептуальные особенности перевода фразеологизмов в Ветхом Завете на осетинский язык»). Примеры: «глас вопиющего в пустыне» теряет образ пустыни; «козел отпущения» заменен на «барана», а «око за око» передано через конструкцию кровной мести, но с изменением грамматики.

А. Ц. Киракосян («Языковые особенности перевода Евангелия на персидский язык (XVII век)») представила арменографическую рукопись перевода Евангелия на персидский язык (1722 г.). Текст отражает языковые контакты армян и персов в Закавказье и содержит интересные фонетические и синтаксические особенности.

Т. К. Салбиев («Мотив «хлеба на(д)сущного»: историко-богословский аспект поэзии Коста Хетагурова») рассмотрел мотив «хлеба на(д)сущного» у Коста Хетагурова (стихотворение «Ныфс»). Поэт переосмысляет осетинскую земледельческую лексику (слово *хор* «зерно») в духовном ключе, строя диалог с отцом по модели молитвы «Отче наш». Это показывает, как Библия стала «мастерской» для создания осетинской литературы.

Д. И. Эдельман в своем докладе «Переводы Библии на памирские языки» поделилась своими наблюдениями о ценности переводов Библии на памирские языки для лингвистики. Переводы фиксируют редкую лексику (например, в рушанском и ваханском — слово для «запеленутого мла-

денца», отсутствовавшее в словарях) и способствуют сохранению языков.

Секция «Перевод Библии на тюркские и уральские языки»

Д. Ю. Баландин («Евангелие по Матфею на тверском диалекте карельского языка как синтез двух традиций перевода») доказывает, что карельский перевод Евангелия от Матфея (1820 г.) представляет собой уникальный синтез переводческих принципов: русской буквалистской традиции (кальки, заимствования) и западной адаптирующей (ориентация на понятность носителям).

Доклад **А. Л. Жансай** («Семантическая адаптация лексики обычного права в христианской терминологии якутского языка») посвящен тому, как в первых переводах катехизиса на якутский язык (1812–1819 гг.) происходило переосмысление традиционных правовых понятий для передачи христианских абстракций. Автор показывает, что переводчики сознательно или вынужденно использовали лексемы обычного права: *ыйаах* («закон, предопределение, судьба») стало обозначать одновременно «славу», «закон», «заповедь», «создавать»; *мунньах* («собрание, сходка») — «собор» и «соборный»; *илдьит* («вестник») — «пророк»; *уруу* («родня») — «ближний». В более поздних редакциях большинство таких семантических калек были заменены (например, «заповедь» стало *кэскил*, «слава» — *хайбал*), однако *ыйаах* и *мунньах* закрепились. Доклад иллюстрирует механизм вторичного использования этноспецифической лексики для формирования христианского дискурса и последующей корректировки в сторону унификации.

Н. Б. Кошкарева в докладе «Религиозная лексика в переводах Библии на хантыйский язык» рассмотрела способы передачи ключевых христианских понятий через лексику традиционного мировоззрения хантов. Автор анализирует переводы конца XIX в. и начала XXI в., включая собственный опыт перевода Евангелия от Марка на сургутский диалект. Основные наблюдения: *Нуми Торам* («верхнее небо / божество») перенесено из языческого пантеона. Для пере-

дачи «Святой Троицы» используются описательные обороты (сург. *Йэмат Йимән эйхә Вё лтә Вәнч* «самый святой вместе живущий лик»). Прилагательное *jetəŋ / jīməŋ* («святой, священный») имеет амбивалентные коннотации: от «священного дома» (церковь) до «запретного» (бранные слова), что создаёт трудности при переводе «Святого Духа» и «Священного Писания». Для «души» чаще используется *лал* («душа-дыхание»), но оно же используется для «бесов» (*атәм лал* «плохой дух»), что порождает семантическую неоднозначность. Доклад демонстрирует, как христианский текст вынужден вступать в диалог с дохристианской картиной мира, а переводчики ищут компромисс между точностью и избеганием нежелательных ассоциаций.

Доклад **М. Д. Люблинской** «Опыты перевода христианских текстов на ненецкий и энецкий языки» охватывает три столетия переводческой деятельности: от первой фиксации молитвы «Отче наш» в труде Н. Витзена (1692 г.) до современных аудиопереводов Института перевода Библии (1995, 2025). Автор приводит живые примеры грамматического калькирования и показывает, как в переводах сочетаются архаичные черты (сохранение категории двойственного числа в определённых формах) и новации (аналитический императив). Доклад важен как историография библейского перевода на самодийские языки и как свидетельство непрерывности миссионерской традиции.

Секция «Перевод Библии на восточнославянские языки»

А. В. Овчаренко, А. А. Андрейкин и Н. А. Андрейкина представили доклад «РЖЯ как язык поэзии: средства РЖЯ при переводе псалмов с древнееврейского». Русский жестовый язык (РЖЯ) рассматривается как молодой литературный язык с формирующейся поэтической традицией. Это первый шаг к описанию поэтики РЖЯ и выработке критериев различения поэзии и прозы на жестовом языке. Работа открывает перспективу перевода на РЖЯ не только библейских, но и светских поэтических текстов.

Доклад **А. А. Троицкого** «Категория двойственного числа в церковнославянском языке новейшего периода (на материале библейских и богослужебных текстов)» представляет собой диахроническое и жанровое исследование употребления форм двойственного числа (*dualis*) в церковнославянских текстах от древнейших списков (XI в.) до современных богослужебных изданий. Доклад демонстрирует, как живой язык утратил двойственное число еще в позднем Средневековье, а церковнославянский корпус консервирует его в библейских книгах, но постепенно вытесняет из новых гимнографических текстов. Это важный материал для понимания градуальной оппозиции в категории числа и ее стилистической маркированности.

В рамках конференции был проведен также **Круглый стол «Библейские переводы на германские языки: история и современность»** (руководитель Е. Б. Яковенко). Круглый стол открыл доклад **Н. Н. Гончаровой** «Притча о плеведах в современных симплифицированных переводах Библии на английский язык» о переводческих трансформациях в Мф 13:24–30, 36–43 в упрощенных английских версиях (BBE, PEV, EASY, MSG, TLB, WE) в сопоставлении с KJV (1769 г.). Были выявлены стратегии: грамматической трансформации, лексической замены, буквализмы. Докладчик пришел к выводу, что симплифицированные переводы успешно выполняют свою задачу — сделать содержание понятным целевой аудитории (включая коренных жителей Австралии для PEV), но ценой существенных лексических и грамматических потерь.

В докладе **А. В. Манькова** «Переводы фрагментов Библии на шведские диалекты Эстонии» в научный оборот вводятся уникальные переводы середины и второй половины XIX в., выполненные К. Руссвурмом и Х. Венделлем на шведские диалекты островов Рюне, Дагё, Урмсё, Нюккё, полуострова Старошведское (кроме диалекта Наргё). Переводы делались последовательно диалектными, без смешения со шведским литературным языком. Приведенные в докладе материалы ценны как источник по исторической грамма-

тике исчезающих шведских диалектов Эстонии и как пример ранней фиксации устной речи. Напр., сохранены формы перфекта, плюсквамперфекта и аналитического пассива (почти вышедшие из употребления в современном диалекте Старошведского).

3. Ю. Метлицкая в докладе «Переводы Библии на древнеанглийский язык (IX–XI века)» представила панораму древнеанглийских библейских переводов от глосс (подстрочник для монахов) до полноценных переводов при короле Альфреде и Эльфрике Грамматике. Она показала, как древнеанглийские переводчики балансировали между буквализмом и адаптацией к нуждам новой христианской аудитории.

Форум 2025 показал, что:

1. Перевод Библии остается мощным фактором сохранения и развития малых языков — от цыганского и карельского до жестовых языков.
2. Современные технологии (корпусная лингвистика, ИИ, мультимедиа, устный перевод) открывают новые возможности для анализа и создания переводов, но не снимают традиционных проблем (неоднозначность, культурные лакуны, переводческая интерпретация).
3. Проблема «трудных мест» и культурной адаптации остается центральной: буквализм сталкивается с требованием понятности, а прагматическая адаптация — с риском исказить сакральный смысл.
4. Библия как параллельный корпус доказала свою ценность для типологии, в том числе для грамматической типологии (экспериментив, симулятив, сочинение, анафора).